

УДК 82-94
ББК 63.3(2)722
З-12

**Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций Российской Федерации**

*Автор-составитель благодарит Центральный государственный архив
г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Центральный
государственный архив кинофотодокументов СПб., Тосненский
краеведческий музей,*

*Центральную научную библиотеку Ленинградской области, библиотеку г. Любани,
Музей сельской школы № 1 пос. Ульяновка, Музей сельской школы пос. Красный Бор
за предоставленные материалы.*

За блокадным кольцом: Сборник воспоминаний жите-
З-12 лей Ленинградской области времен германской оккупации
1941–1944 гг. 2-е изд., перераб. Сост. И. А. Иванова. —
СПб.: Политехника, 2023. — 640 с.: илл.

ISBN 978-5-7325-1196-3

В книге собраны воспоминания жителей Ленинградской области и при-
городов Ленинграда, а также горожан, застигнутых войной на оккупиро-
ванной территории. Это рассказы-исповеди о перенесенных страданиях и
унижениях, потерях близких и казнях земляков, о голоде, страхе и нище-
те, о человеческом бесправии и насильственном угоне в германское рабство,
о недоверии и репрессиях со стороны властей по возвращении на Родину.

Более полувека люди молчали о пережитом, боясь навлечь на себя
и своих детей новые неприятности. Но все испытанное ими за четыре воен-
ных года и десятилетия спустя представляет огромный пласт трагической
истории России, которую мы не вправе забывать.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)722

© Иванова И. А., литературная запись, об-
работка, составление, 2010

© Кольцова А. В., наследник автора-соста-
вителя, 2023

© Шмелева А. А., оформление, 2023

© Редакционно-издательская подготовка.
Издательство «Политехника», 2023

ISBN 978-5-7325-1196-3

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года...

А. Ахматова

Должно быть, и о блокаде нашего города мы знаем далеко не все. Но о том, что происходило в годы войны за пределами блокадного кольца — в Пушкине и Павловске, Петергофе и Гатчине, Луге и Тосно, — еще меньше.

Уже через две недели после начала войны гитлеровские войска вторглись на территорию Ленинградской области. На месяц их остановили у реки Воронки за Ораниенбаумом, на полтора — под Лугой. После падения Лужского рубежа немцы неудержимой лавиной хлынули к Ленинграду.

Железнодорожное сообщение с Ленинградом прервалось, и кое-кто из местных жителей, встревоженных бомбежками и близкой стрельбой, на свой страх и риск, пешком ушел в город. Не имея прописки и продовольственных карточек, эти люди первыми в Ленинграде погибли от голода. А по деревенским улицам потянулись нескончаемые вереницы беженцев из западных и южных районов, гурты скота, разрозненные группы красноармейцев...

Солдаты сорок первого года долгое время не могли отделаться от чувства вины перед населением, брошенным на произвол судьбы.

«Когда мы уходили, — вспоминал ветеран 11-й дивизии С. Х. Павлов, — по обе стороны дороги стояли старики, женщины, дети. Они с грустью и упреком смотрели на нас. А мы, молодые, хоть голодные и измученные, но с оружием, отступали, оставляя их врагу. Было больно и стыдно, очень стыдно смотреть этим людям в глаза».

Зачастую войска покидали населенные пункты задолго до появления оккупантов. Жители уходили в леса, а деревни сжигались*. Так в большом красивом селе Финёв Луг близ станции Рогавка из 126 домов уцелело 6.

«Свои же и жгли, — говорит 90-летняя жительница Л. Е. Борисова, — чтобы немцам не досталось. Мы в лесу прятались. Немцы с самолетов листовки бросали, приказывали домой возвращаться. А домов-то и нет... Ничего не осталось — ни в руки взять, ни на ноги обуть. Набились в уцелевшие избы, землянки соорудили. Есть нечего — ведь и житницы сгорели...»

О том, что будет с людьми, никто не думал. Еще меньше это беспокоило оккупантов. Гитлер планировал колонизировать Россию, заполнить ее германским населением, а с коренными жителями советовал обращаться, «как с краснокожими».

И в одночасье, с того самого момента, когда в деревню или город входили, въезжали на своих машинах, велосипедах, мотоциклах завоеватели, у людей рушился привычный мир. Кажется, только вчера праздновали 1 Мая, отправляли детей в пионерские лагеря, сажали картошку и ходили по выходным в кино. И вот уже ничего, ровным счетом ничего не осталось от прежней жизни.

Два месяца войны многое изменили в сознании жителей области. Ушли на фронт мужья и братья, исчезли продукты из магазинов, и все понимали, что придется много работать, скудно есть, жить ожиданием и надеждой. Но то, что произошло, не снилось даже в самых страшных снах. Жутко было выйти из дома и увидеть виселицу с повешенным соседом; самоуверенных оккупантов,

---

* 17.11.41 г. за подписью И. В. Сталина и Б. М. Шапошникова вышел приказ № 0428, требующий от каждого армейского командира «разрушать и сжигать населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20—60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог. <...> При вынужденном отходе наших частей уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать».

по-хозяйски распоряжавшихся на улицах — срывавших привычные вывески, вывешивавших безапелляционные приказы: «Явиться в комендатуру для регистрации!», «Не выходить из домов после 17 часов!», «Сообщать о коммунистах и евреях!»

Не подчиняться? Но ведь повесят, оставят сиротами детей... И послушно шли регистрироваться, сдавать велосипеды, нашивали на одежду ненавистные желтые звезды...

Кое-кто, в надежде найти место под поблекшим солнцем, шел на службу к завоевателям — в управу, полицию, без всякого принуждения доносил на соседей-евреев, коммунистов, сельсоветчиков.

Десятерых сестер Смирновых знали в Слудицах очень хорошо: три поколения этой семьи выросли в деревне. Сестры повыходили замуж, нарожали детей — девять от своих, местных мужиков, а последняя, Мария, отыскала себе в Ленинграде еврея-коммуниста, да еще и венгерского. Сразу нашлись доброхоты, просветившие о том новые власти. Комендант — ветеран Первой мировой войны — оказался человечнее односельчан. Вызвал к себе Марию и сказал: «Ваши люди вас выдали. Я ничем не смогу вам помочь. Забирайте детей и уходите!»

Никто, кажется, не требовал от колхозника Алексеева из д. Малые Березницы признания, чем занимался до войны его двоюродный брат. А вот, пойдя ж ты, побежал докладывать в управу, что пребывающий на фронте Василий — бывший сельсоветчик, а жена его и дочка как есть «красныши». Подобное определение удивляло даже немцев, не считавших мобилизованных в Красную армию преступниками.

В войну внешняя лояльность к прежней власти не помешала людям-флюгерам, не имеющим принципов, холуйски служить новому режиму.

Работал до войны в Тосненском райисполкоме фининспектор, уважаемый соседями за образованность и рассудительность. Направленный районными властями в партизанский отряд, Ф. пробыл там недолго: отряд распался, и он вернулся домой. А в это время немецкий офицер, вставший у соседей на постой, попросил хозяйку постирать ему белье. Соседка испугалась, пришла за советом к Ф.: «Как быть?» Тот отвечал: «Это опасно, вернутся наши — тебе не поздоровится. Отдай мне белье, я спрячу». Получив узелок, Ф. направился с ним в комендатуру и сказал, что соседи убили офицера и он принес его вещи. Долго не раздумывая, немцы расстреляли соседа. Вернувшийся постоялец застал плачущую жену и, узнав в чем дело, сообщил в комендатуру. Ф. повесили за клевету.

Оккупационный режим на подлежащей захвату территории Советского Союза был разработан начальником штаба вооруженных сил Германии Кейтелем еще в марте 1941 г. Основными средствами режима Кейтель считал массовый террор, лишение населения всех политических прав и получение всевозможного сырья для германской промышленности. Захваченная территория разделялась на военную зону, находившуюся под властью командных инстанций вермахта, и тыловую, относившуюся к министерству по делам восточных областей.

Особенно трудно пришлось жителям прифронтовой полосы. «Мы жили, можно сказать, на самой линии фронта, — пишет С. А. Денисова из Киришей. — Кругом свистели пули, рвались снаряды и мины. Было очень страшно. Наш дом сгорел, мы скитались по углам, просили милостыню, искали убитых лошадей, чтобы прокормиться».

По всем дорогам, идущим от фронта, брели, спасаясь от бомбежек и обстрелов, неприкаянные жители с детьми и котомками. Немцы сгоняли их в концентрационные лагеря, появившиеся на территории области с осени 1941 года.

Тосно, Дивенская, Гатчина, Тайцы... Прекрасные ленинградские пригороды! Но для людей, заключенных за колючую проволоку, голодающих, избиваемых, падающих замертво на непосильной работе, эти места стали адом.

Лагерь в Дивенской был устроен в двухэтажном деревянном доме — бывшем пионерском лагере 75-го строительства. Часовые с автоматами у ворот, на

вышках по углам двора. Нары в два яруса, смрад, клопы, вши. Вспоминает бывшая узница «Дивенки» А. В. Самуйлова: «По утрам нас выстраивали в дворе. У каждого на груди — фанерка с номером. Комендант по прозвищу Папа Рыжий — толстый верзила с засученными рукавами — свирепо оглядывал невольников. Возле его ног возвышалась куча палок. Высмотрит Рыжий жертву, поманит пальцем и колотит до тех пор, пока с десятков палок не сломает. Избитого унесут в сарай, остальных погонят на работу...»

Лагерь на окраине Тосно располагался в бывших совхозных свинарниках. Та же проволока, часовые, нары в холодных бараках. По утрам узники получали пайку хлеба и отправлялись на лесозаготовки. Вечером выдавали по мерке баланды. «Единственным подспорьем была требуха, выбрасываемая с бойни, — вспоминала Е. А. Шитикова. — С риском для жизни мы пробирались под проволокой и приносили отходы в барак».

Единственной виной узников этих лагерей была их бездомность. Но и жившим «на воле» в подвалах и сараях людям приходилось несладко. Кормить население оккупированных районов гитлеровское командование не собиралось. Немецкая экономическая инспекция, располагавшаяся во Пскове, санкционировала изъятие продуктов у населения. Командир каждой части, расквартированной в населенном пункте, обязывал старосту сдавать определенное количество хлеба, скота, птицы, картофеля.

«Когда пришли немцы, — рассказывает жительница пос. Дружная Горка К. Н. Филиппова, — в доме оставался лишь стакан манки. Скоро есть стало совершенно нечего. Мы с женщинами ходили в деревни за Лугу менять вещи. Последние рубашки продали, ничего не осталось. Даже гребенку с головы я отдала за кусок хлеба...»

На всей оккупированной территории была введена обязательная трудовая повинность, к которой привлекались жители с 14 до 65 лет. Население строило и ремонтировало дороги, валило лес и добывало торф для нужд немецкой армии. Работали с раннего утра дотемна, получая за свой труд по 200 граммов суррогатного хлеба и пол-литра баланды.

Еще плачевнее было положение военнопленных. В Котлах и Сланцах, Луге и Гатчине, Выре и Лисине мучились и погибали тысячи наших солдат (по данным ЦГА*, в лагерях военнопленных Ленобласти погибли 142 953 человека). И как ни трудно приходилось местным жителям, они не могли безучастно смотреть на живые скелеты за проволокой, с мольбой глядевшие на них голодными глазами. Е. К. Корчагина из Тосно вспоминала: «В бывшем овощехранилище вблизи нынешнего пешеходного моста находился лагерь русских военнопленных. Там, за высоким забором из колючей проволоки, содержались до предела истощенные люди. Общаться с ними запрещалось. Но однажды мне все же удалось бросить им хлеб, чему они были несказанно рады. Пришла с работы без хлеба и сказала детям, что отдала его пленным, потому что в лагере у них не осталось ни травинки. Дети со мной согласились».

Не меньше чем голод людей мучила неизвестность. Где фронт? Держатся ли Ленинград и Москва? Радио ни у кого нет — приемники отобрали еще в начале войны. Газеты? Они вдруг стали выходить и при немцах. Вот «Правда», совсем как настоящая. Тот же размер, тот же шрифт. Но что это? Вместо привычного «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — фашистский призыв «Бей жидов и коммунистов!». О чем же все-таки пишут? О своих победах, понятно. О том, что взяты Орел, Курск, Харьков... Брешут? Вряд ли: докатились же до наших мест, катятся и дальше. Становилось жутко: неужели конец?

А как верили они в Красную Армию, в сталинских соколов и ворошиловских стрелков! Но падали в болота подбитые соколы, и не защитили стрелки...

---

* Центральный государственный архив по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

И где теперь их Иваны, Михаилы, Григории? Бредут ли еще по пыльным дорогам или глядят в небо мертвыми глазами из придорожных канав?

«Матерь Божья, заступница наша, спаси и помилуй!» — молились, как умели, темными ночами в деревнях и поселках. Вспоминали полузабытые молитвы, стояли на коленях перед потускневшими иконами, умоляя сберечь на войне мужа, оставить живыми детей... Вдруг спохватились: «Господи, а ребята-то некрещеные! Поможет ли таким Бог?»

Бежали к соседям, допытывались, где отыскать батюшку, как окрестить детей. Готовы были идти к храму за тридевять земель, чтобы помолиться как положено. Оказалось, что за все безбожные послереволюционные годы вера в народе не умерла.

Церковь пришла к людям сама. Православные пастыри считали своим долгом помочь страдающему народу. Представитель Московской патриархии в Риге митрополит Сергей (Воскресенский) добился от оккупационных властей разрешения на организацию Псковской православной миссии. Псков стал центром возрождения православия на северо-западе России. Ведь к началу войны во всем обширном крае, от Опочки до Сиверской, существовало лишь несколько полуразрушенных храмов, где служили два-три священника. Митрополит направил в оккупированные районы Ленинградской области 15 священников. Одним из них был протоиерей Алексей Ионов, который свидетельствует об этом так:

«К чести нашего духовенства никто не отказался от участия в миссии, от церковной работы в тех местах, где годами не звучало слово Божие, не совершались богослужения, где народ молился лишь про себя, сокровенно. Со стороны немецких властей никаких инструкций специального или специфического характера миссия не получала. Если бы эти инструкции были даны или навязаны, вряд ли наша миссия состоялась бы. Что немцы — зло, никто из нас не сомневался. Ни у кого из нас не было, конечно, никаких симпатий к завоевателям жизненного пространства нашей Родины. Глубокое сострадание и сочувствие к бедствующему народу, нашим братьям по вере и крови — вот что наполняло наши сердца». («Санкт-Петербургские епархиальные ведомости». Выпуск 26–27, 2002 г.)

До Новгородской епархии псковские миссионеры не доходили. Здесь, на близкой к фронту территории, возрождение церкви происходило стихийно. Всюду, где сохранились храмы, отрывали доски от заколоченных дверей, всем миром делали ремонт, собирали по домам иконы и церковную утварь.

Издаваемая в Словакии газета «Православная Русь» писала в начале 1942 года:

«Мы обращаем внимание наших читателей на красоту и высоту подвига простых новгородских обывателей и крестьян, которые во время страшной войны, когда разрушены их жилища, убиты или угнаны их родные, жертвенно трудятся над восстановлением родных святынь. Воистину жив народ наш!»

Новгород был взят немцами 19 августа 1941 года. И уже 20-го протоиерей Василий Николаевский возобновил службы в соборе Михаила Архангела. Отец Василий освящал сельские храмы, назначал на приходы священнослужителей, высланных советской властью за 101-й километр от Ленинграда. За два года без всякой поддержки извне на Новгородчине было восстановлено и освящено 79 храмов. Архимандрит Сергей (Андреев), иеромонах Варсонофий (Кузьмин), протоиереи Николай Светлов и Павел Чесноков с разрешения властей начали служить в восстановленных храмах.

И зазвучало в них слово Божие, даруя обездоленным людям утешение и надежду.

...Спаси, Господи, люди Твоя И
благослови достояние Твое, Победы
православным христианам Над
супротивные даруя
И Твое сохраняя крестом Твоим жительство...

Не прибавилось у прихожан хлеба и не уменьшилось работы, но не так страшно стало жить на белом свете и прибавилось уверенности, что прогонят в конце концов супостатов, и вернутся домой мужья, и выживут дети. До сих пор помнят люди отца Дмитрия из с. Видони, собственноручно мастерившего детские гробики и отпевавшего умерших ребят; преподобного Серафима Вырицкого, истово молившегося за каждого из них; протоиерея Федора Забелина из Гатчины, призывавшего их к вере и терпению, и многих других.

Хотя Псковская миссия и не получила от немецкого командования особых инструкций, на местах все выглядело иначе.

Жительница деревни Пельгора А. Н. Артемьева вспоминала: «В Пельгоре была прекрасная церковь. Немцы привезли откуда-то православного священника, и все стали ходить в церковь молиться. Приходили и немцы. Когда священник провозглашал «многая Лета Гитлеру», мы должны были креститься. Немцы следили за нами, и мы крестились, про себя моля Бога о нашей победе да чтобы нам выжить».

Отношения с партизанами также складывались непросто.

Действительно, некоторые руководители партизанских отрядов — партийные и советские работники, воспитанные в духе атеизма, не сразу увидели в священниках потенциальных союзников.

Само партизанское движение, планируемое «сверху», претерпело в первые месяцы оккупации много сложностей.

К формированию городских отрядов обком ВКП(б) приступил уже в июле 1941 года. Стремительное наступление врага не позволило их в достаточной мере обучить, вооружить и снабдить всем необходимым. Заброшенные на оккупированную территорию, ленинградцы не знали местности и людей, не имели баз снабжения и сведений о противнике и в результате оказались небоеспособными.

Партизан И. И. Крутиков вспоминал: «Пушкинский отряд был сформирован в июле 1941 г. 60 бойцов изучали оружие, тренировались в стрельбе из учебных винтовок, выделенных Осоавиахимом. Когда фронт приблизился, раздобыли 3 винтовки, 4 охотничьих ружья, 2 ручных пулемета и 1 трофейный автомат. Знаменитые скороходовские ботинки спасовали перед болотами, пришлось прикручивать оторванные подошвы проволокой. Отходили к Ленинграду, по пути вырезали куски телефонного кабеля, закладывали тол и мины. Из немецкого тыла вышли 15 человек. В Ленинграде отряд был расформирован».

Отряды, сформированные в районах из местных жителей, имели преимущество в знании конкретной обстановки, но испытывали крайнюю нужду в вооружении, взрывчатке, средствах связи.

Особенно трудное положение сложилось вблизи Ленинграда, где концентрация вражеских войск была самой высокой. Более благоприятными для партизанского движения оказались юго-восточные районы области. Здесь, в полосе действий Северо-Западного фронта, уже с осени 1941 года действовали партизанские бригады численностью до 500 человек. Партизаны взрывали мосты, нарушали связь, уничтожали обозы с продовольствием и боеприпасами, нанося значительный ущерб 16-й немецкой армии.

Наибольших успехов добилась 2-я бригада под командованием Н. Г. Васильева, имевшая в своем составе много военнослужащих из окруженцев. Партизаны выбили немцев из 400 деревень, освободив южнее Старой Руссы территорию более девяти километров. «В конце ноября 1941 года, — вынужден был признать немецкий историк Эрих Гессе, — обширный район между Ловатью и железнодорожной линией Дно — Новосokolьники в тылу 16-й армии был полностью занят партизанами».

Партизанский край — участок прежней жизни в кольце вражеского окружения. Здесь были восстановлены колхозы и сельсоветы, работали школы и больницы, выпускалась газета «Народный мститель», собирались деньги в фонд обороны и продукты в помощь голодающим ленинградцам. Руководило краем

командование бригадой. В марте 1942 года из деревни Нивки вышел обоз в 220 подвод с продовольствием для Ленинграда, пересек линию фронта и через Валдай—Боровичи—Тихвин прибыл в осажденный город.

Благополучному исходу этого уникального похода способствовало то обстоятельство, что немцам в то время было не до партизан. Все усилия командования группы армий «Север» направлялись на вызволение своих войск, окруженных в районе Демянска.

В январе 1942 года состоялось успешное наступление частей Северо-Западного фронта в направлении Крестцы—Зайцево, в результате которого продвижение врага к востоку было остановлено. Около 100 тысяч солдат 16-й немецкой армии оказались в кольце, получившем название «Демянский котел».

Вместе с оккупантами в «котел» попали и местные жители. В. Ф. Лалетина из деревни Стрелицы рассказывала: «Зимой немцы выгнали нас из домов, и три месяца мы скитались по лесам, страдая от голода, холода и нашей артиллерии, посылавшей снаряды в «котел». Как же им разобрать, где фашисты ярые, а где их — стрелцов — дети малые? В апреле в деревне Сорокопенно немцы посадили нас в крытые машины и погнали к Рамушеву, пробивая себе коридор для выхода из «кольца». Мы были живыми заложниками».

А в это время севернее озера Ильмень сражалась в окружении 2-я ударная армия Волховского фронта. В ходе зимнего наступления южнее Чудова она заняла район площадью 75 × 40 километров от Волхова до р. Оредеж. Но, истощив свои силы, прорвать блокаду не смогла. Беда заключалась в том, что единственный путь снабжения — четырехкилометровая дорога от деревни Кречно до Мясного Бора — то и дело перекрывался противником.

13 мая последовал приказ на вывод армии из «мешка». Одновременно Военный совет Ленинградского фронта принял решение эвакуировать вместе с армией жителей 45 деревень. По-видимому, в штабе фронта, находившегося внутри блокадного кольца, плохо представляли себе обстановку, сложившуюся в районе Мясного Бора. Ведь ширина разбитого, затопленного весенним половодьем «коридора» не превышала 300–400 метров. Противник постоянно бомбил и обстреливал его. Преодолеть его удавалось лишь единичным пешим солдатам — подносчикам продовольствия и боеприпасов. Но на что могли рассчитывать беспомощные женщины с детьми? Понятно, что они противились такой «эвакуации».

И шесть тысяч женщин, детей, стариков оказались в «котле» вместе с армией. Военные не позволяли им разводиться костры («демаскируете!»), да и мешками с мукой, сброшенными с самолетов, не спешили делиться. Они ели траву и пили болотную воду, прятались в шалашах и гибли, гибли один за другим...

Л. В. Мокеева из Больших Березниц рассказывала: «От обстрелов и бомбежек погибло много солдат и деревенских. Бомбой убило Малашу, Васишу, осколком снаряда — Лену. Первое время какие-то сухарики у нас были, но скоро кончились. Ели кислицу, кору, все, что придется».

Немцы, овладев 25 июня мяснорборским «котлом», застали в лесу мертвых стариков, истощенных женщин, опухших детей и белые стволы осин с объединенной корой. Фотографии, сделанные в те дни, бывший солдат 291-й немецкой дивизии Георг Гундлах назвал документами ужасов.

Ужасным был для нашей страны весь 1942 год. Пал Севастополь, и освободившуюся 11-ю армию Манштейна Гитлер направил под Ленинград для штурма города, намеченного на 14 сентября. Синявинская операция осени 42-го закончилась неудачей для наших войск. Десятки тысяч бойцов остались навечно в синявинских болотах, а селения, по которым прокатились колеса войны — Гайтолово, Тортолово, Вороново, Поречье, — исчезли с лица земли. Их жители пополнили толпы беженцев и новых узников фашистских лагерей.

Прекратил свое существование партизанский край, и деревни, составлявшие его, были дотла сожжены карателями. Ужесточились репрессии оккупантов про-

тив жителей, связанных с партизанами и подпольщиками. Подростков, достигших 16-летнего возраста, насильно мобилизовывали в германскую армию, облачали в немецкие шинели и использовали на подсобных работах (рытье окопов, разгрузке снарядов и т. п.) подальше от дома.

Но ход войны уже был переломлен. Заводы, эвакуированные за Урал, начали выпускать достаточное количество военной продукции, и армия уже не испытывала острого недостатка в снарядах и боевой технике.

Та же неудачная, не снявшая блокады Синявинская операция сыграла свою роль в потере немцами Сталинграда. Армия Манштейна, предназначавшаяся ранее для боев на Волге, исчерпала свои возможности под Синявином. «Желая одновременно наступать везде, Гитлер не добился успеха нигде», — напишет позже Манштейн в своей книге «Утерянные победы».

Замахнувшись на огромную Россию, Гитлер не учел ее размеров и собственных ресурсов, которые оказались не бесконечными. Кавказский фронт, удаленный от баз снабжения на 2600 километров, уже испытывал острую нехватку продовольствия и боеприпасов, а желанная нефть по-прежнему оставалась недоступной.

18 января 1943 года войскам Волховского и Ленинградского фронтов удалось прорвать блокаду Ленинграда. Гитлеровским планам уничтожения великого города был положен конец.

Все больше эшелонов с ранеными и гробами отправлялось в Германию с передовой, и это лучше всех листовок убеждало жителей, что освобождение не за горами. Надо только дожить до него! Но как непросто это было сделать...

Осенью 1943 года начался поголовный угон населения на запад. Потеряв надежду на захват новых территорий, оккупанты увозили к себе все захваченное в России: уголь и лес, станки и рельсы, людей и лошадей. Целыми деревнями людей загоняли в «телячьи» вагоны, наглухо запирали на все засовы и увозили в неизвестность. Не подчиниться, спрятаться? За уклонение от эвакуации вешали и расстреливали. Но, несмотря на казни, молодежь убегала в леса, уходила в партизаны. Конец 1943 года отмечен массовым притоком населения в партизанские отряды. Поддержанное снизу, это движение сделалось поистине народным и оказывало реальную помощь нашим регулярным частям.

Наступил 1944 год. День за днем освобождались разоренные города и села. Они были безлюдны. Черный снег лежал на незасеянных полях, печные трубы сожженных домов одинокими часовыми возвышались над селениями. Те, кто испокон века трудился на этой земле, сажал яблони и строил дома, растил детей и нянчил внуков, были далеко отсюда. Они доили чужих коров и пахали чужок землю на хуторах Прибалтики и Германии. Их временно, как имущество напрокат, сдали батраками в хуторские хозяйства, вносящие за них плату в казну Третьего рейха.

Когда же немцев погнали и дальше на запад, они не забыли прихватить с собой и людские «трофеи». Поместив в качестве живого прикрытия на верхних палубах балтийских пароходов, их увозили на заводы Круппа и в шахты Силезии для самой черной, недостойной арийцев, работы. Их ждала беспросветная лагерная жизнь, изнурительный труд за кусок хлеба и миску баланды да плетка надсмотрщика...

«Двухъярусные нары, заплесневевшие стены, затхлый запах прелого сена в тощих матрацах, холод и тьма, — вспоминала бывшая узница берлинского лагеря Н. П. Соколова. — Я помню, как мы съежились, попав в эту обстановку. Казалось, что съежились и наши души...»

Все знали, что война близится к концу. Но никто из них, угнанных за тридцать земель от родного дома, не знал, удастся ли дожить до Победы и вернуться домой.

Немецкие города подвергались жестоким бомбардировкам. Под обломками военных и прочих объектов часто гибли совсем не военные люди. Советские,

английские, американские бомбы не разбирали, попадают ли они на остатки гитлеровских войск или в лагерь узников рейха. Последним приходилось уповать только на Бога.

В Германии не было для них ни храмов, ни священников. Православные изгнанники шли в лютеранские кирхи, вывешивали в укромных уголках сбереженные иконки и молились своим святым, чтобы сотворили они чудо: сберегли хотя бы детей. Далеко не всем удалось вернуться на Родину. Кто умер от голода и болезней, кто погиб под бомбами, а для кого-то Родина-мать обернулась злой мачехой. Бездетная и трудоспособная молодежь была наречена «спецконтингентом» и, невесть за какие грехи, без суда и следствия отправлена в свои, отечественные лагеря валить лес и добывать золото.

«Мы с подругой попали на лесоповал за Петрозаводском, — рассказывала Т. Г. Лебедева. — Работали под конвоем в легких пальтишках и тубельках, мерзли, голодали и, верно, не выжили бы, когда бы не представилась возможность бежать...»

Для Ф. А. Лунева и его товарищей — подростков из Ленинградской области, мобилизованных в немецкую армию и обвиненных в измене Родине, — война закончилась только в 1955 году. Тогда, после смерти И. В. Сталина, они попали в число амнистированных. «Хотя когда и в чем я изменил — до сих пор не ведаю», — говорит Федор Александрович.

Все сотрудничавшие с немцами (старосты, полицейские — в Ленобласти таких было более 15 тысяч человек) были осуждены на 10–25 лет и отбывали свои сроки в лагерях Крайнего Севера. «В 1944 году органами НКВД по Ленинградской области выявлено 3317 предателей — немецких ставленников (старост, полицейских), а также 1159 человек неблагонадежных, проживавших на оккупированной территории, вышедших из окружения, бывших в плену в Германии, замеченных в антисоветских высказываниях». (Архив ГУВД, д. 113.) А простые репатрианты и бывшие военнопленные направлялись в составе рабочих батальонов в спецлагеря НКВД. Было создано более 100 лагерей, в каждом из которых содержалось от 2 до 15 тысяч человек. В Ленобласти, например, был лагерь № 0137, заключенные которого восстанавливали Кировскую ГЭС, а также лагерь № 0323 и 0326, поставлявшие сюда лес и железобетон. Официально рабочие батальоны существовали до 1948 года, но и после переименования номерных лагерей в стройуправления люди не имели права покидать определенное им местожительства и работы.

Неблагонадежными были признаны все, побывавшие в оккупации, а тем более — в фашистском плену. Им запрещалось проживать в 32 городах Советского Союза, учиться в вузах и занимать престижные должности.

Александр Федоровой, в 11 лет вернувшейся из концлагеря, директор одной из ленинградских школ сказал: «Мне ТАКИЕ не нужны!» «Такие» не были нужны нигде. Валентина Данильцева сдала вступительные экзамены в Лесотехническую академию на одни пятерки, но документы вернули. «С вашей анкетой (была угнана в Германию) вы можете только работать», — сказал декан.

На работу после лагеря устроиться тоже было непросто. Г. П. Федотова скрыла, что в возрасте 5–8 лет три года провела в неволе. В 1988 году (!) обратилась в КГБ за подтверждающими документами. Оттуда позвонили на завод, где Галина Павловна проработала слесарем 30 лет, и с «режимного» предприятия пришлось уйти.

Выжившие в фашистской неволе люди все долгие послевоенные десятилетия были изгоями в собственном Отечестве и предпочитали молчать о пережитом. Только теперь, на закате своего земного пути, они рассказывают, какова была на самом деле та великая, далекая война. Она научила их распознавать в людях истинные, не декларированные властью, Добро и Зло, и своими горькими воспоминаниями они делятся с нами.

И. А. Иванова

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Образована 1 августа 1927 г.

Имела территорию 83 809 кв. км, водную акваторию (Ладожское и Онежское озера) — 10 067 кв. км.

Поселений городского типа — 66, сельского — 2928.

Население накануне Великой Отечественной войны составляло 1 млн 258 тыс. чел.

На июнь 1941 г. в состав области входило 12 городов и 72 района.

ГОРОДА ОБЛАСТНОГО ПОДЧИНЕНИЯ (ИЮНЬ 1941 – ИЮНЬ 1944 гг.)

1. Боровичи
2. Волхов
3. Красногвардейск (с 1944 г. — Гатчина)
4. Луга
5. Новгород
6. Ораниенбаум
7. Псков
8. Сестрорецк
9. Слуцк (с 1944 г. — Павловск)
10. Старая Русса
11. Териоки (с 1944 г. — Зеленогорск)
12. Шлиссельбург (с 1944 г. — Петрокрепость)

5.07.1944 г. образована Новгородская область с городами: Новгород, Боровичи, Старая Русса. В ее состав вошли 27 районов бывшей Ленинградской области.

23.08.1944 г. образована Псковская область. В нее вошли: г. Псков и 17 районов бывшей Ленинградской области.

РАЙОНЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ИЮНЬ 1941 – ИЮНЬ 1944 гг.)

Батецкий, Белебелковский, Боровичский, Валдайский, Винницкий, Вознесенский, Волотовский, Демянский, Дрегельский, Залучский, Крестецкий, Лычковский, Любытинский, Маловишерский, Молотвицкий, Мошенский, Мстинский, Новгородский, Окуловский, Опочецкий, Питовский, Поддорский, Полавский, Солецкий, Старорусский, Уторгоцкий, Хвойницкий, Чудовский, Шимский (5.07.1944 г. данные районы отошли к Новгородской области);

Гдовский, Дедовичский, Дновский, Карамышевский, Лядский, Новосельский, Островский, Палкинский, Плюсский, Пожревицкий, Полновский, Порховский, Псковский, Серёдкинский, Славковский, Сошихинский, Струго-Красненский (23.08.1944 г. данные районы отошли к Псковской области), Красносельский р-н

Красногвардейский р-н (с 1944 г. — Гатчинский)

Кингисеппский

Мгинский (с 1961 г. — Кировский)

Волосовский

Киришский

Лужский

Оредежский

Сланцевский (с марта 1941 г. в него входил и Гдовский р-н)

Тосненский

Осьминский (с 1961 г. входит в Лужский район)

Кексгольмский (с 1944 г. — Приозерский)

Материалы сборника представлены согласно довоенному административному делению в последовательности оккупации районов германскими войсками.

**Из акта комиссии по расследованию злодеяний
немецко-фашистских захватчиков (1944 г.) по
Ленинградской области**

Расстреляно 6265 чел. • Повешено 876 чел. • Умерло после
пыток 23 899 чел. • Погибло в/пленных 142 953 чел. •
Угнано в рабство 253 230 чел. • В области было 35 концлагерей

Сроки оккупации городов и поселков области*

1	г. Остров	6.07.1941 г.	21.07.1944 г.
2	г. Псков	9.07.1941 г.	23.07.1944 г.
3	г. Порхов	10.07.1941 г.	26.02.1944 г.
4	г. Сланцы	19.07.1941 г.	2.02.1944 г.
5	г. Старая Русса	9.08.1941 г.	18.02.1944 г.
6	г. Волосово	12.08.1941 г.	27.01.1944 г.
7	г. Кингисепп	16.08.1941 г.	1.02.1944 г.
8	г. Новгород	19.08.1941 г.	20.01.1944 г.
9	пос. Оредеж	19.08.1941 г.	8.02.1944 г.
10	г. Чудово	20.08.1941 г.	29.01.1944 г.
11	г. Луга	24.08.1941 г.	12.02.1944 г.
12	г. Любань	25.08.1941 г.	28.01.1944 г.
13	г. Слуцк (с 1944 г. — Павловск)	17.09.1941 г.	24.01.1944 г.
14	г. Тосно	28.08.1941 г.	26.01.1944 г.
15	пос. Саблино	28.08.1941 г.	27.01.1944 г.
16	г. Кириши	29.08.1941 г.	4.10.1943 г.
17	пос. Ям-Ижора	30.08.1941 г.	2.08.1942 г.
18	пос. Мга	30.08.1941 г.	21.01.1944 г.
19	г. Выборг	30.08.1941 г.	20.06.1944 г.
20	г. Териоки (с 1944 г. — г. Зеленогорск)	31.08.1941 г.	10.06.1944 г.
21	Городок (с 1944 г. — г. Кировск)	7.09.1941 г.	27.01.1943 г.
22	с. Синявино	7.09.1941 г.	15.09.1943 г.
23	г. Шлиссельбург (с 1944 г. — г. Петрокрепость)	8.09.1941 г.	18.01.1943 г.
24	г. Красное Село	12.09.1941 г.	19.01.1944 г.
25	г. Красногвардейск (с 1944 г. — г. Гатчина)	13.09.1941 г.	26.01.1944 г.
26	пос. Ропша	15.09.1941 г.	19.01.1944 г.
27	г. Урицк (пос. Лигово)	16.09.1941 г.	20.01.1944 г.
28	пос. Володарский	16.09.1941 г.	20.01.1944 г.
29	г. Пушкин	17.09.1941 г.	24.01.1944 г.
30	пос. Стрельна	21.09.1941 г.	20.01.1944 г.
31	г. Петергоф (Петродворец)	22.09.1941 г.	20.01.1944 г.
32	пос. Большая Вишера	22.10.1941 г.	16.11.1941 г.
33	г. Малая Вишера	23.10.1941 г.	20.11.1941 г.
34	пос. Будогощь	23.10.1941 г.	19.12.1941 г.
35	г. Тихвин	8.11.1941 г.	9.12.1941 г.

* Местожительство авторов указано на момент оккупации городов и поселков Ленинградской области.